

КУРЬЕЗНЫЕ БОТАНИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ Л. Ф. ГОЛЬДБАХА И А. Г. РЕШЕТНИКОВА

Врач и ботаник Л. Ф. Гольдбах и издатель А. Г. Решетников в 1823 г. выпустили две книги по практической ботанике. В них они использовали в качестве ботанических иллюстраций отпечатки с высушенных растений, которые пропитывали типографской краской. Автор подробно описывает жизненный путь Гольдбаха и Решетникова, исследует обстоятельства и причины появления оригинальной техники по созданию ботанических иллюстраций.

Ключевые слова: Л. Ф. Гольдбах, А. Г. Решетников, ботаническая иллюстрация, типографская краска, отпечаток, высушенные растения, полезные и лекарственные растения, объективность, точность.

Слово «курьезные» не случайно оказалось в заглавии этой статьи. К 1820 г. в России существовало богатое разнообразие техник эстампа. С 1815 г., с момента выхода в свет издания бурлескной, «ироикомической» поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» к гравюре присоединилась печать с плоских форм – литография [Михайлова, с. 222–224]. В 1823 г. два молодых человека – врач и ботаник Лев Гольдбах и типограф Иван Решетников – рискнули изобрести новую технику для иллюстраций в научно-популярной книге по ботанике «Изображение растений, употребительных в медицине, сельском хозяйстве, художествах и ремеслах, отпечатанные с самих растений, с описанием их вида и пользы». Они проявили большую оригинальность, решив делать отпечатки с засушенных экземпляров растений.

В своем опыте они буквально вернули эстамп к самым его истокам. Само слово «эстамп», пришедшее в русский язык из французского, но восходящее к итальянским «stampa» (отпечаток) и «stamgere» (печатать), напоминает, что главное в эстампе – это отпечаток. А первыми отпечатками были еще в первобытное время случайно или специально оставленные на керамике отпечатки пальцев, листьев, веток и т.д. Однако не обязательно мысленно переноситься в доисторические времена. Уже в эпоху появления тиражной печати время от времени случались такие казусы, как случайные отпечатки, связанные со спо-

собностью сока живых растений оставлять следы на бумаге. Каждому из нас случалось открыть какую-нибудь книгу с забытым в ней засушенным растением и испытать странное чувство:

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:
Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем? [Пушкин, с. 137].

Иной раз само растение уже давно выпало из книги или рассыпалось в прах, но следы его пребывания между страницами все еще видны. Возможно, одна из таких находок стимулировала не только поэтическое творчество А. С. Пушкина, но и живую мысль двух молодых экспериментаторов. Итак, Лев Гольдбах и Иван Решетников отринули многовековую традицию ботанической иллюстрации, которая предполагала тесное сотрудничество натуралиста и художника (будь то рисовальщик, гравер или литограф) и обратились к посредничеству не искусства, а природы, чтобы ее образцы как бы воспроизводили себя сами¹.

Кажется, что нет ничего проще. Такой «эстамп» доступен любому желающему – достаточно пойти в ближайший парк, собрать там подходящий растительный материал, намазать его краской и сделать отпечаток – получится что-то вроде трафаретной печати растениями. В настоящее время эта техника (без конкретного названия) в силу своей простоты и эффектности включена в обучение азам изобразительного искусства в младших классах школ и даже некоторых детских садов.

Опыты Гольдбаха и Решетникова не получили дальнейшего развития в русской научной ботанической иллюстрации. Мы, к сожалению, не можем в настоящее время определить, каков был тираж их книги, но по косвенным сведениям можем предполагать, что он не был большим. Факт того, что две тетради «Изображения растений, употребительных в медицине, сельском хозяйстве, художествах и ремеслах, отпечатанных с самих растений...» [Гольдбах, 1823а, кн. 1–2] попали

¹ Отметим, что попытка Гольдбаха и Решетникова сродни традиционному японскому графическому искусству гетаку (gyotaku) – отпечатку с выловленной рыбы, которую покрывают особым составом и с которой затем делают отпечаток на бумаге. Это искусство было известно в Японии с середины XIX в., особенно популярно в префектуре Ямагата. Самая полная коллекция гетаку хранится в Nomma Museum of Art (Саката, Япония). В Европе и США оно встречается в коллекциях ряда художественных музеев под названием Technique of the Japanese Fish Printing. Гетаку никак не могло повлиять на русских экспериментаторов, но развивалось в том же направлении, что выбрали и они.

в разряд редких книг [Сводный каталог, Т.1, с. 373. № 1873] и не были описаны такими знатоками русских иллюстрированных изданий, как Н. А. Оболянинов и В. А. Верещагин [Верещагин], говорит сам за себя. В настоящей работе мы обращаемся к экземплярам «Изображения растений...», хранящимся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ². В двух тетрадах были помещены 22 эстампа с растений: 10 в первой и 12 во второй. Отпечатки Гольдбаха–Решетникова с засушенных растений так и остались курьезной попыткой изменить характер ботанических иллюстраций, но важно понять смысл этой попытки, а для этого надо представить, какой жизненный опыт стоял за спиной каждого из участников этого эксперимента.

Лев Федорович Гольдбах (1793–1824) был потомственным ученым, принадлежал к «первой среди иностранных профессоров династии в Московском университете» [Петров, с. 102]. Вместе с отцом, известным астрономом Фридрихом Гольдбахом, он ребенком приехал в Россию, с которой была связана вся его жизнь, начиная с 1804 г. Гольдбах окончил медицинский факультет Императорского Московского университета, был практикующим врачом и, по свидетельствам современников, прибегал иногда к нетрадиционным методам лечения. Так, князь И. М. Долгоруков вспоминал, что молодой врач Гольдбах успешно вылечил нервное заболевание его племянницы – «сильные конвульсии» [Долгоруков, с. 442] – с помощью «магнетизма» и «магнетического усыпления» [Там же, с. 443–444].

Однако главным делом жизни Гольдбаха была ботаника. Он был любимым учеником знаменитого ботаника Г. Ф. Гофмана – директора Ботанического сада (бывшего Аптекарского огорода) при Московском университете, и сам достиг в этой науке выдающихся успехов. В 1816 г. Гольдбах защитил диссертацию на степень доктора медицины о ботанико-медицинском значении шафранов³. Ботаническая часть ее затем была напечатана в «Мемуарах Общества испытателей природы» [Мейер, с. 8]; с 1817 г. он как адъюнкт преподавал в Медико-хирургической академии, а с 1819 г. стал адъюнктом «по части ботаники» и лектором, преподававшим курс естественной истории для студентов медицинского отделения Московского университета [Некролог Л. Ф. Гольдбаха, с. 1936–1937; Профессора Московского университета, с. 324–325].

Гольдбах одним из первых начал изучать флору Москвы и Московской губернии, собрал огромный гербарий (до 10 000 листов).

² Шифр 4 Кз2.

³ Goldbach C. L. Dissertatio inauguralis croci historiam botanico-mediam aistens. Quam e decreto anplissimae... Mosquae: typ. Universitatis mosquensis, 1816. 54 p.

К 1820 г. он составил список 770 видов растений московской флоры. Наибольшая часть сборов цветковых растений была произведена им в Перове, на Трех Горах, у Симонова монастыря, в Кунцеве. Гольдбах много работал в Горенках, у графа А. К. Разумовского – ботаника-любителя, которому и посвятил свою диссертацию [Некрасова, с. 339]. По замечанию директора Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада А. А. Фишера фон Вальдгейма, диссертация Гольдбаха «почти единственная в то время докторская диссертация по части ботаники, основанная на собственных разысканиях автора» [Липшиц, с. 41]. «Он выделил в своей диссертации 4 раздела: ботанический, фармакологический, химический и терапевтический» [Липшиц, с. 41], успешно сочетая при этом оба свои пристрастия: ботанику и медицину. В научной работе Гольдбах не только пользовался гербариями, но и изучал жизнь живых растений, что в то время было новым и достаточно необычным. Исследованию московской флоры он посвятил три работы. «Эти работы были лишь фрагментами большой “Московской флоры”, которую Гольдбах готовил, но не успел напечатать. Не напечатанной осталась и другая его почти завершенная рукопись *Enchiridion botanicum excursionibus dicatum*» [Мейер, с. 8].

Незадолго до смерти Гольдбах издал первую книжку «Изображение растений, употребительных в медицине, сельском хозяйстве, художествах и ремеслах, отпечатанные с самих растений...» (Москва, 1823), которая должна была состоять из нескольких тетрадей, из которых в свет вышли только две. Однако преждевременная смерть Гольдбаха прекратила издание, хотя были подготовлены материалы для следующей тетради. Вскоре Решетников занялся другими делами и больше к печатанию растениями, пропитанными особым составом, не возвращался.

Московский университет, лишившийся молодого ученого «к общему прискорбию», 9 июля 1824 г. поместил в «Московских ведомостях» небольшой некролог в его память [Некролог Л. Ф. Гольдбаха, с. 1936–1937]. Мы, к сожалению, не знаем причин его ранней смерти. Гербарии и другие материалы, оставшиеся после смерти ученого, согласно протоколу заседания Императорского Московского общества испытателей природы от 18 марта 1825 г., были переданы этому Обществу [Липшиц, 1940, с. 93]. Гольдбах оставил заметный след в истории русской ботаники. Советский ученый, ботаник-систематик С. Ю. Липшиц считал, что «Гольдбах может быть назван флористом с большим правом, чем его учитель Гофман» [Липшиц, с. 42]. Другие ученые, обращавшиеся к изучению московской флоры, неизменно

прибегали к материалам Гольдбаха. Так, его гербариями пользовались И. А. Двигубский⁴ и А. А. Фишер фон Вальдгейм. В частности, последний в 1864 г. на основании неопубликованных данных Гольдбаха написал первую работу по московской флоре мхов [Насимович], в которой есть конкретные указания на находки видов в черте Москвы, что позволило сделать сравнительный анализ данных 1820-х и начала 1860-х гг. В целом, мы понимаем, что вклад Гольдбаха в отечественную ботанику был столь значим, что упоминание его имени становится неперенным и «неизбежным» в связи «с историей гербариев Московского Университета» [Назаров, 1926а, с. 129; Назаров, 1926б, с. 293] и исследованиями адвентивной флоры Москвы и Московской губернии [Флористические исследования, с. 31, 74, 151–152].

Если Лев Гольдбах происходил из семьи ученого и сам был талантливым ученым-ботаником, то Иван Андреевич Решетников (1800–1852) был сыном известного московского издателя Андрея Гордеевича Решетникова. В детстве он обучался частным образом вместе с будущим знаменитым историком М. П. Погодиным и не менее знаменитым врачом А. И. Овером, затем был студентом Московского университета. С 1815 г. Иван Решетников начал государственную службу, с 1820 г. служил в канцелярии московского гражданского губернатора, а 18 октября 1823 г. по предложению губернатора Г. М. Бездарова был определен корректором (без жалованья) в Московскую губернскую типографию, содержащуюся его отцом, и уже 10 января 1824 г. назначен был ее смотрителем [Решетников, РБС, т. 17, с. 743]. Еще будучи студентом, Решетников-младший перевел с латинского языка и издал в типографии своего отца книгу о пользе исторического наследия: [Опыт рассуждения]. Позже он издал несколько полезных и дешевых книг по сельскому хозяйству [Решетников, 1834а, Решетников, 1834б, Домбаль] и другие не менее полезные книги [Решетников, РБС, т. 17, с. 743]. Его отец, издатель А. Г. Решетников, занимался печатанием самых разнообразных книг, начиная с переводных романов и кончая календарями, однако в основном специализировался на издании дешевых и полезных книг: азбук, прописей, учебников разного рода, полезных пособий в отдельных областях домоводства и сельского хозяйства. Видимо, и сыну передалось стремление отца к общественной пользе. Оказалось, что той же идеей одержим и Лев Гольдбах. Именно идея дешевизны и пользы издания объединила ботаника Гольдбаха и молодого содержателя типографии Решетникова.

Гольдбах задумал научно-популярную книгу – «вещь полезную

⁴ Двигубский И. А. Московская флора, или описание растений, дикорастущих в Московской губернии. М.: в Университетской типографии, 1828.

и приятную для многих» [Гольдбах, 1823а, кн. 1, с. IV], которую он хотел адресовать «врачам, аптекарям, сельским хозяевам, садовникам и ремесленникам разного рода, и пр.», то есть достаточно широкому кругу людей, а отсюда вытекало требование к иллюстрациям, в такого рода книге совершенно необходимых, – ибо, как писал автор, «лучшее средство для распознавания естественных тел вообще, и растений в особенности, суть верные изображения, и что во многих случаях они суть единственное средство для избежания недоумений и смешивания одной породы растений с другою, часто в свойствах своих весьма отличною. Если таковые ошибки случаются даже и в Столицах, где гораздо более есть средств к их отвращению: то что же должно быть в отдаленных городах и деревнях, где никогда почти нет Особ, с коими можно было посоветоваться, и книг для разрешения встречающихся сомнений о подлинности какой-либо травы» [Там же, с. III–IV].

Необходимость распознавания подлинности «какой-либо травы» он продемонстрировал на примере душераздирающей истории о немецком любителе самолечения, доведшем до смерти двух своих малолетних дочерей из-за того, что перепутал трилистник болотный (вахту) с ядовитым, богатым дубильными веществами вязелем (горьким клевером) [Гольдбах, 1823а, кн. 2, с. 29]. Такие примеры подкрепляли убежденность ботаника в том, что общедоступная книга по практической ботанике была просто необходима.

В России эта книгоиздательская ниша почти не была заполнена. По своему целеполаганию книга Гольдбаха схожа с рядом иностранных изданий, в том числе с немецкой книгой профессора физики, химии и натуральной истории Гейдельбергского университета Г. А. Суккова⁵ «Экономическая ботаника», которая была переведена на русский язык по заданию Императорского Вольного экономического общества и напечатана, правда, без иллюстраций Императорской Академией наук еще в 1804 г. [Сукков]. Молодой ботаник Гольдбах отметил, что «у нас в России недостаток таких книг весьма ощутителен» [Гольдбах, 1823б, с. 921].

Поскольку Гольдбах подолгу работал с многочисленными ботаническим атласами, он как никто другой знал, что «хорошие изображения, на меди гравированные и тщательно раскрашенные, весьма дорого стоят», поэтому задумал изыскать способ напечатать книгу, которая содержала бы «верные и не очень дорогие изображения общепользных растений, и прибавляя к оным нужные изъяснения и опи-

⁵ Сукков, Георг Адольф (Suckow, Georg Adolph) (1751–1813) – немецкий натуралист, физик, химик, горный инженер, профессор физики, химии и натуральной истории Гейдельбергского университета.

сания» [Гольдбах, 1823а, кн. 1, с. IV]. В своих текстах «Изображения растений...» автор «избегал излишней и неуместной здесь учености, и ботанических подробностей, кроме необходимых для распознавания растений» [Там же, с. V]. Он приводил латинское и общеупотребительное название растения, а также ряд его местных названий.

Те, кто знакомился с работами Гольдбаха по составлению гербария, отмечали, что его «рисунки, тщательность описания, данные о местонахождениях, времени цветения – показывают исключительную аккуратность, трудолюбие и наблюдательность автора» [Липшиц, с. 41]. Естественно, вопрос отбора «репертуара растений» для книги принадлежал Гольдбаху. Надо сказать, что растения были выбраны самые расхожие: пырей, клевер, липа, алтей, мята, папоротник и т. д. Как тут не вспомнить старшего коллегу Гольдбаха по медицинскому цеху – знаменитого московского врача М. Я. Мудрова⁶. У него было множество благодарных пациентов, но имелись и недоброжелатели из числа менее популярных врачей. По воспоминаниям литератора М. А. Дмитриева, «завистливая посредственность называла его (Мудрова – Е. З.) лечение алтейной методой (курсив М. А. Дмитриева – Е. З.), потому что он врачевал легкими и простыми лекарствами, аптекари говорили, что если бы все лечили по его методе, то им пришлось бы закрыть аптеки» [Дмитриев, с. 348]. Гольдбах, видимо, тоже своеобразно следовал «алтейной методе» Мудрова.

При этом у молодого врача и ботаника Гольдбаха была и своя медико-ботаническая философия. Он исходил из того, что «нет в Природе вещи совершенно вредной или бесполезной» [Гольдбах, 1823а, кн. 2, с. 36], поэтому рассматривал даже такие растения, как куколь или пырей, к которым сельские хозяева привыкли относиться как к сорнякам. Ученый не считал правильным оценивать пользу только применительно к нуждам человека и стремился изжить антропоцентрический подход к ботанике. Для него было не менее важным, что ежу обыкновенную «собаки, когда страждут желудком, отыскивают... и жадно пожирают» [Там же, 2, с. 20], а овес возвышенный (райграс) – «самый превосходный корм домашним животным» [Там же, с. 15]. В этом же ряду оказался и куколь: «трава сего растения молодая составляет корм весьма приятный овцам и другим животным» [Там же, с. 36].

Любование естественной красотой растений, избегание всякой искусственности и отклонения от этой естественности были присущи Гольдбаху в высшей мере. Иногда о пользе он писал так: «Она (лава-

⁶ Мудров, Матвей Яковлевич (1776–1831) – врач, ординарный профессор патологии и терапии Императорского Московского университета.

тера полевая – Е. 3.) в садах, как и некоторые подобные растения, разводится по красоте цветов своих» [Гольдбах, 1823а, кн. 2, с. 22] или «липа может употребляться как лучшее дерева для обсаживания дорог, для проспектов и аллей, ибо ее можно обстригать различным образом. Она еще более годится для этой цели по красивому своему виду, круглой вершине, довольно скорому росту и обширной тени» [Там же, с. 10]. Если «довольно скорый рост» может быть отнесен к научному описанию липы, то ее «обширная тень» и «красивый вид» – это уже, скорее, из области ее поэтического восхваления, как и «сильный, бальзамический запах» [Там же]. Здесь слово «бальзамический» употреблено в ныне утраченном значении «душистый» [Даль, т. 1, с. 44].

В отношении некоторых растений Гольдбах был вынужден прокомментировать их сложившуюся репутацию. К примеру, ему, ботанику, невозможно было не высказаться «о мнении простонародном, довольно нелепом, что папоротник цветет только в одну ночь под Иванов день; причем уверяют, что усматривающий сей чудесный цвет будет весьма счастлив!» [Гольдбах, 1823а, кн. 1. с. 2]. Он знал, что папоротник не относится к цветковым растениям и размножается спорами, хотя в те времена самого термина «спора» еще не было. Гольдбах объяснял читателям, что на оборотной стороне листа папоротника есть пятна или точки «различной фигуры и расположения, кои суть начала плодов». Эти пятна, созревая, «становятся пыльными и, наконец, издают сию пыль во множестве»: «Если рассмотреть... под хорошим увеличительным стеклом, то видно, что каждая пылинка есть капсула или коробочка семенная чрезвычайно малая, с несколькими семенами, окруженная кольцом, разрывающим во время зрелости капсулу [Там же, с. 2].

Или, наоборот, говоря о медицинской моде на сильнодействующие средства («действительнейшие лекарства»), он защищал те растения,

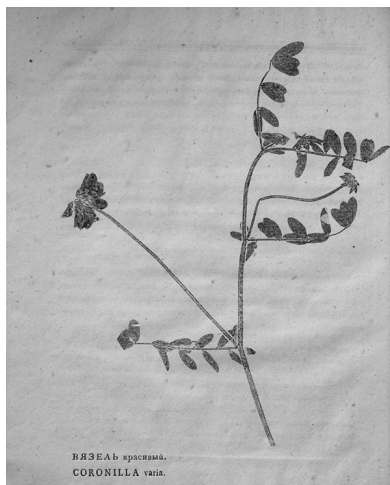

Рис. 1. Вязель красивый.
Отпечаток типографской краской
по способу

Гольдбаха–Решетникова. 1823 г.
Отдел редких книг и рукописей
Научной библиотеки МГУ.

которые имеют свойства более слабые («слабейшие лекарства»), поскольку «нельзя заменить сих последних малыми приемами первых, поелику каждое врачебное вещество имеет особенное действие свое, не совсем сходное с действием другого, хотя весьма близко подходящего» [Гольдбах, 1823а, кн. 2, с. 25]. Это тонкое понимание силы лечебного воздействия того или иного растения на организм человека давало врачу целый спектр лекарств, отличающихся друг от друга лишь нюансами, что уподобляло его художнику, безошибочно находящему на своей палитре оттенки и полутона красок. В отношении некоторых растений Гольдбах оказался настоящим провидцем. Он был совершенно прав, отстаивая лекарственные свойства сальника аптекарского (другое название – живокость, или окопник) [Там же, с. 32–33], вышедшего в первой четверти XIX в. из медицинской моды, но ставшего в наши дни чрезвычайно популярным средством, усиливающим регенерацию клеток эпителия и костной ткани.

В своем восприятии ботаники он опережал свое время. Справедливо сказал один из современных ученых и популяризаторов ботаники: «То, как мы смотрим на растения, зависит от масштаба и смысла.

Мы замечаем в них то, что согласуется с нашей нынешней точкой отсчета, с представлениями о времени и пропорциях, что отвечает нашим нуждам, как эстетическим, так и экономическим» [Мейби, с. 23]. Как мы видим, Гольдбах понимал «пользу» чрезвычайно широко, включая в нее, кроме хозяйственной, и пользу эстетическую, как у золотарника канадского, «украшающего сады наши осенью» [Гольдбах, 1823а, кн. 2, с. 26], что не менее важно, чем то, что он «дает весьма хорошую желтую краску» [Там же, с. 26]. В его текстах чувствуется восхищение жизнестойкостью флоры, ее мощью, разнообразием, красотой и чудесными свойствами, присущими как величественному де-

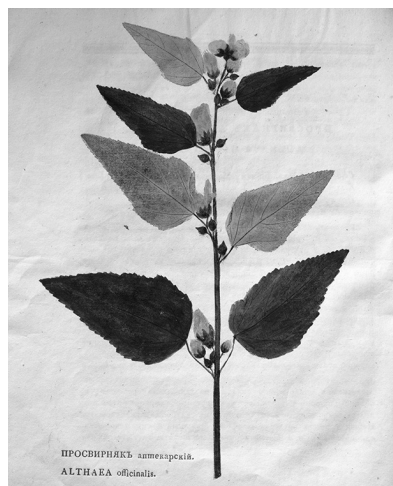

Рис. 2. Просовирник аптекарский.
Отпечаток типографской краской,
по способу

Гольдбаха–Решетникова,
раскрашенный акварелью. 1823
г. Отдел редких книг и рукописей
Научной библиотеки МГУ.

реву, так и самой незаметной былинке. Может быть, это тоже было толчком к воспроизведению растений в их естественном и не приукрашенном художником виде.

Ко времени деятельности Гольдбаха ботаническая иллюстрация давно уже оформилась в особый жанр научной графики, который появился в России в Петровское время и был связан с именами Д. Г. Мессершмита (1685–1735), И. К. Букбаума (1693–1730) и И. Аммана (1707–1741) [Сытин]. Как тогда, так и в первой четверти XIX в., создание увражей по ботанике было не массовым, а элитарным занятием, требовало от издателей и типографов вложения немалых средств, что предопределяло дороговизну подобных изданий. Естественно, ботанические иллюстрированные книги становились доступными только для очень состоятельных людей. В целом, «гравирование таблиц, равно как и последующее раскрашивание от руки, были кропотливым и дорогостоящим делом, а потому публикации «Флор» в то время нередко становились вопросом государственного престижа» [Сытин] и часто осуществлялись при патронаже высокопоставленного лица и даже правителя.

В идеале для выполнения работ по иллюстрированию какого-то атласа нужны были несколько человек: ботаник, который будет следить за отбором растений для воспроизведения и за научной точностью исполнения; рисовальщик – автор оригинала для будущей гравюры (хотя многие ботаники XVIII – начала XIX в. обладали навыками рисования и сами были «по совместительству» рисовальщиками); гравер, желательно специализирующийся на гравировании научных иллюстраций; печатник, поскольку не все, даже хорошие граверы, были столь же хорошими печатниками; и иллюминатор, то есть человек, раскрашивающий гравюру или литографию в строгом соответствии с тем, как растение было представлено рисовальщиком на оригинале. Именно эта многоступенчатая система не только делала научные атласы дорогими, но и растягивала работу над ними на много лет.

Но, видимо, была еще одна причина. Ботаническая иллюстрация за годы своего существования выработала свой, весьма условный язык. Так, на одной картинке обычно на белом фоне помещались рядом с общим видом растения изображения его отдельных частей, к примеру, корней, почек, листьев, цветов и плодов, что было данью условности. Естественно, в живой природе почки, цветы и плоды не могли сосуществовать одновременно, но натуралисты прибегали к такому приему, чтобы создать наиболее полное представление о растении. Отдельные части могли быть многократно увеличены или уменьшены, чтобы их

можно было эффектно расположить на плоскости листа для удобства их рассматривания. И сколько бы натуралист ни писал, что его образцы запечатлены «ad vivum» (с натуры, как в жизни), это не лишало их известной условности.

В подобной ситуации возникала острая зависимость ботаника-исследователя от иллюстратора, работавшего с ним. «Большинство натуралистов, публиковавших иллюстрированные работы, оказывались во власти рисовальщиков, и почти всем им требовался гравёр» [Галисон, Дастон, с. 149]. Многим ученым пришлось столкнуться даже с соперничеством со стороны художников, претендовавших на главную роль в создании ботанического альбома [Там же, с. 153–158]. Неслучайно к 1853 г. немецкий ученый А. Ауэр с гордостью сообщил, что придумал, как избавиться от этой беды. Он делал отпечаток, зажимая растение между свинцовой и медной пластиной до тех пор, пока оно не оставляло свой след на мягком свинце. Он считал, что достиг «механической объективности» и добился того, что «природа может печатать себя сама» [Там же, с. 176], тем самым изгоняя из ботанической иллюстрации художника с его субъективизмом и эстетизмом.

Как мы видим, Решетников и Гольдбах начали движение в сторону преодоления художественной субъективности ботанической иллюстрации на тридцать лет раньше. Экспериментаторы должны были располагать большим количеством экземпляров одного и того же растения, чтобы достигнуть нужного качества отпечатков. При сравнении нескольких тетрадей «Изображения растений....» можно увидеть, что для иллюстрации, к примеру, того, как выглядит «волчанка» (зюзик европейский), оттиски были сделаны с разных экземпляров одного и того же растения, по-разному скомпонованных на листе. Парадоксальность такого приема и его противоположность традиционному эстампу состоит в том, что гравёру и печатнику нужно было прилагать особые усилия, чтобы придать конкретному оттиску неповторимость (приемы, цвет печати, разные состояния гравюры: до подписи, с подписями или ремарками), а при печати с растений этот вопрос решался сам собой – каждое произведение живой природы, по своей сути, неповторимо и уникально. С другой стороны, «первооснова гравюры – печатная доска – весьма долговечна» [Климова, Мишина, с. 5], что позволяет делать отпечатки спустя годы, а иногда и столетия. Способ, примененный Гольдбахом–Решетниковым, на этом фоне выглядит эфемерным и привязанным к точному времени, как и труд любого составителя гербария.

Для окраски высушенных растений ими использовалась типографская краска, или, как было сказано в рекламном объявлении о продаже книги, «типографские чернила» [Гольдбах, 1823б, с. 922]. К сожалению, сам состав красителя авторами не был указан, поскольку они планировали выпустить следующие тетради и, видимо, хотели быть при этом защищены от конкуренции, поскольку понятие авторского права или «привилегии», известное Западной Европе еще с XVII в., в России только формировалось.

Из уведомления о выходе книги «Изображение растений...» следует, что «приготовление растений... и продолжительные труды как при высушивании самих растений, так и тиснении с них отпечатков» были делом И. А. Решетникова по его «склонности к ботанике» [Там же]. Молодой Решетников взял на себя труд, до этого разделенный между несколькими участниками ботанического иллюстрирования. Другими словами, из технологической цепочки в создании ботанической иллюстрации молодые экспериментаторы удалили сразу два звена: во-первых, рисовальщика, во-вторых, гравера или литографа, причем оба выпущенных звена – это самая дорогостоящая часть работы. Остался сборщик ботанического материала и печатник (он же иллюминатор), что должно было существенным образом удешевить издание.

Кроме «склонности к ботанике», Решетников, буквально выросший в отцовской типографии, конечно, был отлично осведомлен обо всех этапах работы над книгой и секретах печати. Кстати, Решетников-старший был известен и как гравер-любитель, правда, весьма невысокого уровня, но зато его типография, перешедшая к Решетникову-младшему, располагала «двумя фигурными станами для воспроизведения эстампов» [Клейменова, с. 106]. Работа с краской и отпечатками растений стала делом молодого типографа, которому понадобилось «много навыка и опытности» [Гольдбах, 1823а, кн. 1, с. V]. Нужно было добиться, чтобы растения, пропитанные краской, легко вбирали в себя и «отдавали» потом краску при печати, чтобы она не выходила за границы контура стебля, листьев и цветков.

Изобретатели нового способа печати столкнулись с несколькими трудностями. Во-первых, оказалось, что невозможно сделать отпечатки с корней растений, а также слишком сочных/сухих или мелких частей, вроде лепестков и тычинок. Во-вторых, в одной и той же книге могли оказаться отпечатки разного качества: более насыщенные по цвету и совсем бледные. Особенно это заметно в изображениях луговых трав, которые плохо поддавались такому «портретированию». Они невыгодно смотрелись в черно-белом варианте, были едва разли-

чимы, зато наиболее подходили для раскрашивания, создавая в цвете иллюзию акварельной графики. Недостатком противоположного рода становился перечерченный оттиск. В-третьих, растение под прессом могло смяться, могли повредиться его отдельные части, само растение могло выйти за границы листа, и тогда его верхушка или боковые веточки остались бы непропечатанными. В целом оказалось, что весьма непросто добиться, чтобы растение было красиво расположено на плоскости листа и дало в меру «сочный» отпечаток.

Но главное – возникала психологическая проблема и связанная с ней эстетическая. Понятно, что никакой гравер не может в точности повторить то, что послужило оригиналом для его работы. Гравюра – это всегда перевод на «другой художественный язык». Мастер работает над «плоскостями и объемами, которые он строит при помощи параллельных или перекрещивающихся линий» [Климова, Мишина, с. 7], усиливает или ослабляет свет в отдельных частях, добавляет или убирает некоторые детали. Хотя перекрестные штрихи гравюры можно назвать «сеткой некой искусственности» [Галисон, Дастон, с. 169], но именно ее ищет в иллюстрации зритель. Глаз многих поколений любителей ботаники привык к четким контурам гравированной иллюстрации, выполненной резцом

или офортом.

Оттиски в книге Гольдбаха по сравнению с резцовыми гравюрами могут показаться туманными картинками с размытыми контурами. Конечно, в самой живой природе нет таких четких линий, как в резцовой или очерковой гравюре, но при первом знакомстве с иллюстрациями Гольдбаха–Решетникова возникает странное чувство неудовлетворенности из-за возникающей как будто расфокусировки зрения. И даже слова профессиональных библиографов об «уникальном по исполнению» издании и «высоком полиграфическом уровне» типографии Решетникова [Клейменова, 1987, с. 170], где печата-

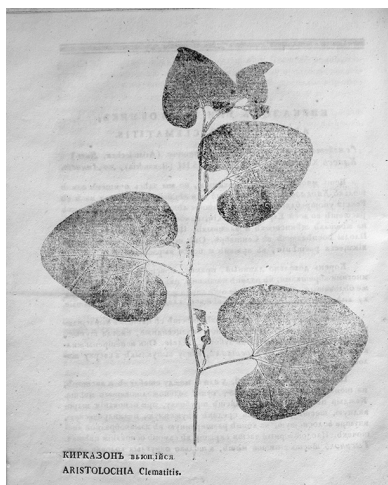

Рис. 3. Кирказон вьющийся.
Отпечаток типографской краской
по способу
Гольдбаха–Решетникова. 1823 г.
Отдел редких книг и рукописей
Научной библиотеки МГУ.

лась книга, не уничтожают до конца этого смутного разочарования. Словно предвидя возможные упреки, автор писал: «...в изображении естественных тел главнейшее старание должно состоять в сохранении верности подлинника, а не в наружном блеске» [Гольдбах, 1823б, с. 922].

Конечно, нам хотелось проверить, удалось ли автору и издателю добиться с помощью новой техники иллюстрирования удешевления издания. Для этого необходимо было найти книгу того же ряда и сравнить продажные цены. Сама доля ботанических книг в общей продукции русских типографий этого времени, как мы помним, была очень мала, а научно-популярных книг по ботанике почти не было. Из близких по времени изданий в один ряд с книгой Гольдбаха можно было бы поставить «Флору Санктпетербургскую и Московскую...» (1819) [Флора Санктпетербургская и Московская], которая, согласно «Московским ведомостям», продавалась по 25 руб. за нераскрашенный экземпляр и по 35 – за раскрашенный [Московские ведомости, 1823, с. 793], то есть каждый том стоил по 12 руб. 50 коп. или 17 руб. 50 коп. соответственно. Гольдбах и Решетников объявили цену за каждую из двух книжек по 3 руб. по подписке и по 4 руб. – цену продажную. Они особо отметили, что «есть небольшое число экземпляров с раскрашенными изображениями по 6 руб.», а в качестве, как бы мы сказали сейчас, особой акции предлагали получить в лавке Решетникова и сухие экземпляры описанных растений [Гольдбах. Объявление, с. 922]. Если две тетради «Изображения растений...» условно приравнять к одному тому «Флоры...», то получится 6 руб. против 12 руб. 50 коп. за нераскрашенные экземпляры и по 12 руб. против 17 руб. 50 коп. за раскрашенные. В любом случае удешевление издания очевидно.

Возникает естественный вопрос о том, почему в целом удачное начало использования новой (старой) техники эстампа не получило своего продолжения в книгах других издателей. К примеру, такой последователь дела Л. Ф. Гольдбаха, как ординарный профессор Санкт-Петербургского университета Н. П. Щеглов, в своей «Хозяйственной ботанике, заключающей в себе описания и изображения полезных и вредных для человека растений» (Санкт-Петербург, 1828), использовал традиционные иллюстрации в технике резцовой гравюры на меди. Дело, думается, не только в ранней смерти Гольдбаха. Сама печать по методу Гольдбаха–Решетникова безнадежно губит образцы, отобранные для печати. Это можно позволить себе, если имеешь дело с самыми распространенными, широко и повсеместно встречающимися растениями и никоим образом не подходит к тем раритетам, ко-

торые ученые привозили из дальних экспедиций в труднодоступные места. Ботаника же первой половины XIX в., в основном, занималась изучением всего богатства растительного мира, но, прежде всего, экзотических стран, где ее ждали многочисленные яркие открытия.

В случае с техникой эстампа Гольдбаха–Решетникова речь шла о «дешевой и доступной книге» и простых «преимущественно лекарственных растениях, затем кормовых, эфирно-масличных, поделочных и употребляемых на поташ» [Некрасова, 1958, с. 167]. Недаром автор называл их «общеполезными». Думается, самому Гольдбаху не пришло бы в голову использовать примененный им совместно с Решетниковым метод, если бы речь зашла об изображении редкого растения из семейства крестоцветных – *Goldbachia laevigata* (гольдбахии гладковатой), названной в память рано умершего ботаника [Чудинов] и ныне относящейся к исчезающим или даже исчезнувшим видам на территории России [Растения, занесенные в Красную книгу Ставропольского края].

Галисон П., Дагтон Л. Объективность. М., 2018.

Гольдбах Л. Ф. Изображение растений, употребительных в медицине, сельском хозяйстве, художествах и ремеслах, отпечатанные с самих растений, с описанием их вида и пользы / Изд. Л. Гольдбахом. Кн. 1–2. М., 1823а.

Гольдбах Л. Ф. Объявление об издании книги «Изображение растений, употребительных в медицине, сельском хозяйстве, художествах и ремеслах, отпечатанные с самих растений, с описанием их вида и пользы» // Московские ведомости. 1823б. 4 апреля. № 27. С. 921–922.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Т. 1. А–З. М., 1998. С. 44.

Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.

Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мною самим... СПб., 2005. Т. 2.

Клейменова Р. Н. Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991.

Клейменова Р. Н. Московский университет и издательское дело в Москве в первой половине XIX века // Книга в России, XVI – сер. XIX в.: книгораспространение, библиотеки, читатель: Сборник научных трудов / Отв. ред. А. А. Зайцева. Л., 1987.

Климова Е., Мишина Е. Вступление // Гравюра на металле. К 115-летию Русского музея. СПб, 2013.

Литищ С. Ю. Георг Франц Гофман (1761–1826) и его ученик Л. Ф. Гольдбах (1793–1824). М., 1940.

Литищ С. Ю. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940) (Исторический очерк). М., 1940.

Мейби Р. Какое дерево росло в райском саду? 40.000 лет великой истории растений. М., 2017.

Мейер К. И. И. Н. Горожанкин. 1848–1904. М., 1940.
Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин / ЖЗЛ. Вып. 1578 (1378). М., 2012.

Московские ведомости. 1823. 21 марта. № 23. С. 793.

Назаров М. И. Гербарий Московского Университета, его история, современное состояние и научное значение // Дневник Всесоюзного съезда ботаников в Москве в январе 1926 года / Под ред. *Е. Е. Успенского*. М., 1926а.

Назаров М. И. Травохранилище Московского университета и его гербарные источники по русской и иностранной флорам // Известия Главного ботанического сада СССР. 1926б. Т. XXV.

Насимович Ю. А. История региональной московской ботаники. Москва, 2014. Режим доступа: http://temnyjles.ru/Nasimovich_kraevedenie/reg-bot.shtml#20 (дата обращения 01.03.2020).

Некрасова В. Л. Горенский ботанический сад (Материалы к истории русского ботанического садоводства) // Труды Института истории естествознания. Т. №. М.; Л., 1949.

Некрасова В. Л. История изучения дикорастущих сырьевых растений в СССР. Ч. 1. М.; Л., 1958.

Некролог Л. Ф. Гольдбаха // Московские ведомости. 1824. № 55. 9 июля. С. 1936–1937.

Опыт рассуждения о том, что именно Римляне заимствовали от Греков и Етрусков, и каким образом заимствованное от сих народов обратили в свою пользу. М., 1817.

Петров Ф. А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997.
Профессора Московского университета. 1755–2004. Биографический словарь. Т. 1. А.–Л. / Авторы-сост. *А. Г. Рябухин, Г. В. Брянцева* / Под общей ред. акад. РАН *В. А. Садовниченко*. М., 2005. С. 324–325.

Пушкин А. С. Цветок // Полн. собр соч. в 16 т. Т. 3. Кн. 1. М.–Л., 1948.

Растения, занесенные в Красную книгу Ставропольского края. Режим доступа: http://www.mpr26.ru/okhota/krasnaya-kniga/plants/p_85.html (дата обращения: 16.02.2020).

Решетников А. Г. // Русский биографический словарь, издаваемый Русским Историческим обществом. Т. 17 / Под ред. *Б. Л. Модзалевского*. Петроград, 1918.

Решетников А. Г. Краткое руководство к выгоднейшему возделыванию картофеля в полях». М., 1834.

Решетников А. Г. Наставление крестьянам, как садить картофель в поле. М., 1834.

Домбаль М. Руководство к приисканию и распознаванию мергеля и удобрению им полей и лугов / Издал Решетников, с целью обратить внимание Русских хозяев на это могущественнейшее средство к поправлению истощенных полей, как в черноземных, так и в других губерниях, нуждающихся в землеудобрении. М., 1840.

Сводный каталог русских книг. 1801–1825. Т. А–Д / Отв. ред. *И. М. Полонская*. М., 2000. № 1873.

Сукков Г. А. Экономическая ботаника доктора Г. А. Суккова. СПб., 1804.

Сытин А. К. Особенности русской ботанической иллюстрации первой половины XIX века. URL: <http://herba.msu.ru/journalsplus> (дата обращения: 08.02.2020).

Флора Санктпетербургская и Московская или описание растений, находящихся в Российской Империи и особливо в окрестностях обеих столиц для любителей ботаники и садов, для докторов, аптекарей, содержателей фабрик, красильщиков, экономов и пр. с раскрашенными рисунками. В 2-х кн. СПб., 1819.

Флористические исследования в Московской области / Отв. ред. А. К. Скворцов. М., 1990.

Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. СПб., 1910. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (дата обращения: 16.02.2020).

Список иллюстраций:

1. Рисунок 1. Вязель красивый. Отпечаток типографской краской по способу Гольдбаха–Решетникова. 1823 г. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

2. Рисунок 2. Просвирняк аптекарский. Отпечаток типографской краской, по способу Гольдбаха–Решетникова, раскрашенный акварелью. 1823 г. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

3. Рисунок 3. Кирказон выющийся. Отпечаток типографской краской по способу Гольдбаха–Решетникова. 1823 г. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

Зименко Елена Владиславовна
Заведующий сектором изоматериалов
Отдел редких книг и рукописей
Научная библиотека МГУ им. М. В.
Ломоносова
119192 Москва, Ломоносовский
проспект, 27
E-mail: zim_elena@mail.ru

Elena Zimenko
Head of Fine Arts sector
Department of Rare Books and
Manuscripts
Scientific Library of Moscow State M. V.
Lomonosov University
27 Lomonosovsky prospect, 119192
Moscow
E-mail: zim_elena@mail.ru

Peculiar Botanical Illustrations of L. F. Goldbach and A. G. Reshetnikov

L. F. Goldbach, a doctor and a botanist, and A. G. Reshetnikov, a book publisher, published two books on practical botany in 1823. They used prints made from dried plants, soaked in printing ink, as illustrations. This technique is unique in the history of Russian printing, and the publication itself is considered very rare and valuable. Goldbach and Reshetnikov aimed to reach maximum accuracy and objectivity in

depicting plants. In doing so they were ahead of European scientists by almost 30 years.

Keywords: L. F. Goldbach, A. G. Reshetnikov, botanical illustration, printing ink, print, dried plants, useful and medicinal plants, objectivity, accuracy.